



СВЕЧА  
В ОКНЕ

УДК 23/28  
ББК 86  
Г 19



*По благословению  
Высокопреосвященнейшего  
Митрополита Минского и Слуцкого,  
Патриаршего Экзарха всея Беларуси  
ФИЛАРЕТА*

*Для младшего и среднего  
школьного возраста*

Есть свет, есть тьма. Есть горение,  
есть тление. И борьба между ними идет  
каждую минуту, в каждой душе, даже в  
детской. Наша новая книга повествует  
об этой борьбе и о победе света и добра.

# ИСПЫТАНИЕ БОЛЮЮ

**С**лучилось так, что семилетний Миша остался совершенно один.

Ранним утром он стоял на морозном ноябрьском ветру возле калитки бабушкиного дома. На улице – ни души. Редкие снежинки кололи лицо. Всё вокруг было темно и сумрачно: серая дорога, свинцовое низкое небо, черные деревья и дома.

Миша плакал. Слезы замерзали на щеках и ресницах. Мальчику казалось, что он остался один на всем белом свете, и это вселяло в него ужас.

Только вчера все еще было так хорошо! Вместе с мамой и старшей сестрой Катей они приехали из города к бабушке в гости и провели вместе чудесный день. Миша помогал печь пироги, они сходили в храм на службу и посетили могилки родных, покоившихся на местном кладбище.

Близилось 21 ноября, Мишины именины и день рождения. Ему должно было исполниться восемь лет. В предвкушении подарков сердечко маленького мальчика замирало, и в его воображении возникали картины веселого праздника.

Но вдруг все изменилось. Бабушка и мама по неотложным делам спешно уехали в дале-

кий сибирский город. Мишу оставили с сестрой, пятнадцатилетней Катей.

– Ничего, Катя уже взрослая, справится! Все умеет делать! – говорила бабушка, собираясь в дорогу. А Миша чувствовал обиду. Он так ждал этого дня! Но все его надежды разбивались под напором суровой реальности. Мама и бабушка уехали, пообещав справиться его именины потом.

– Потом, потом, – ворчал мальчик. – Это ваше любимое слово – потом.

После отъезда родных, ночью, Миша никак не мог уснуть, ворочался с боку на бок. Вдруг он услышал слабый голос Кати:

– Врача, вызови врача... Мне плохо. Живот болит. Телефон в книжке... Позвони...

Миша с помощью Кати с трудом отыскал записную книжку и в ней номер телефона больницы. Еще труднее оказалось убедить сонную тетю на другом конце провода, что это не розыгрыш.

Врач приехал лишь под утро. Он осмотрел Катю и коротко бросил:

– Немедленно в больницу! Нужна срочная операция!

Миша побледнел, слезы сами собой потекли по его щекам.

– Она не умрет? Не умрет? – взволнованно спрашивал он.

Доктор остановился, потрепал Мишу по щеке.

— У нее аппендицит. Будем надеяться, что она скоро поправится.

Катю увезли на машине с красным креслом, а Миша все стоял и стоял возле калитки, вглядываясь в дорогу, петлявшую по холмам за деревней, и постепенно переходящую в тоненькую серую ниточку.

Так он остался один. Страх, боль и растерянность переполняли его. Подобные чувства он испытывал, когда в пять лет потерялся в магазине. Только сейчас все было гораздо страшнее.

— Мама, бабушка, Катя... — шептал он. Но ответом ему был только холодный ветер, швырявший в лицо пригоршни ледяной крупы.

За спиной он услышал мычание коровы. Вчера Катя не смогла подоить ее. А Миша боялся даже подойти к Буренке.

Из дома напротив вышла соседка. Они были знакомы: летом тетя Христина угощала Мишу сливами. Поздоровавшись, она спросила, почему он в такую рань стоит на дороге и плачет. Миша сбивчиво рассказал ей обо всем. Соседка обняла его.

— Бедный мой, не плачь... Все наладится... Я помогу тебе. Пойдем! — ласково говорила тетя Христина, вытирая ему слезы.



Угостив куском белого хлеба корову, она ловко подоила ее и показала Мише, как это делается.

– Ты не бойся коровушку. Это кормилица. Погладь ее, угости хлебушком, приласкай.

Миша с опаской дал корове горбушку, та посмотрела на него грустными глазами и замычала.

Вслед за этим они вместе с тетей Христиной переделали кучу дел: вытопили печь, покормили поросят, кур и гусей. Мише начинало нравиться заниматься хозяйством. Он все делал серьезно и ответственно, сознавая важность этих дел. Работа отвлекала его от грустных мыслей. Миша хозяйским глазом осматривал свои «владения» и, если находил какой-нибудь непорядок, немедленно принимался за дело. Он убрал с крыльца мышей, принесенных котом Сырком, самостоятельно накормил собаку Рыжика, подмел в доме.

Христина обнаружила на столе записки за здоровье и за упокой, написанные Катей. Она задумчиво подержала их в руках и позвала:

– Пойдем-ка в храм!

В церкви Христина подошла к батюшке и что-то сказала ему, указывая на Мишу. Священник подозвал мальчика и, глядя в его печальные карие глаза, спросил:

– Тебе сколько лет?

– Семь, – ответил Миша, – 21 ноября будет восемь, – грустно добавил он, вспомнив, что бабушка и мама уехали, а Катя попала в больницу.

– Вот как! Зовут Михаил и родился 21 ноября! А ты знаешь, кто твой небесный покровитель?

– Да, мне мама рассказывала. Архангел Михаил, главный начальник небесных воинов. У него меч.

– Да-да, – заулыбался батюшка. – Ты не бойся. Завтра я еду в райцентр, навестим твою сестру. Я заеду за тобой в два часа. Не боишься ночевать один? А то приходи к нам, у нас народу много.

Миша насупился и серьезно ответил:

– Я не буду бояться, – хотя в глубине души понимал, что это не совсем так.

На литургии Миша поправлял свечи, молился за Катю, просил помощи у Господа.

Дома он позвонил в больницу и узнал, что Кате сделали операцию и состояние у нее, как сказала дежурная, стабильное.

До позднего вечера к Мише приходили люди, приносили еду, спрашивали, не нужно ли помочь, приглашали к себе. Но Миша солидно отвечал: «Не могу, у меня хозяйство».



А один средних лет мужчина, назвавшийся дядей Егором, принес целый окорок и наколот дров.

Миша разместил принесенное в холодильнике. Он посмотрел с тетей Христиной вечернюю сказку по телевизору. Уходя, она спросила:

— Может быть, пойдешь ко мне? Или я останусь с тобой?

— Нет, не волнуйтесь, я справлюсь, — ответил мальчик.

Тетя Христина погладила его по голове.

— Помолись Богородице, Она тебя защитит, — посоветовала соседка на прощание. — А то приходи ко мне, не стесняйся.

Миша молился Богу, Божией Матери и просил Их помощи. Потом он крепко уснул, обняв кота Сырка.

Утром позвонила мама и сообщила, что они благополучно добрались, а недели через полторы вернутся домой. Мама не знала о Кате, и Миша не стал ей ничего рассказывать, чтобы напрасно не волновать.

Днем вместе с бабушкой он съездил в районный центр и навестил в больнице Катю. Она выглядела неплохо, только была очень бледной.

Миша обнял сестру и немного всплакнул у нее на плече.

– Тяжело тебе? Да? – участливо спросила она, вытирая его слезы и целуя в розовые щеки.

– Ничего, мне помогают, – ответил Миша.

– Кто?

– Тетя Христина и другие люди. Дядя Егор.

– Ну, тогда я за тебя спокойна.

Когда Миша с бабушкой вернулись в деревню, вновь разыгралась метель. В бабушкином доме от печки, отопленной тетей Христиной, веяло теплом. И на сердце у Миши было легко и светло.

Мальчик проверил, все ли в порядке, потом сел в старое кресло. Кот Сырок прилежался на коленях. Миша открыл Библию и прочел: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет».

## КАПРИЗНАЯ ГОСТЬЯ

**В**оскресное утро таило атмосферу праздника. Запах ванили и корицы безудержно распространялся по всей квартире. Илья знал, что сегодня приедет мамина подруга, которую он никогда не видел.

Раздался долгожданный звонок, и на пороге появилась улыбающаяся женщина.

– Здравствуйте, мои дорогие. А я не одна, – загадочно произнесла она. И следом вошла светловолосая и розовощекая девочка. – Парня, как понимаю, зовут Илья? Очень приятно, я – Светлана Петровна, – сказала она, пожимая мальчику руку. – А это – Валерия, моя дочь.

Мама обняла гостей, а сыну сказала:

– Илюша, Лерочка твоя одноклассница, она, как и ты, окончила второй класс. Приглашай гостью к себе, покажи свои игрушки. А мы с тетей Светой накроем на стол и немного посекретничаем.

Илья щедро вывалил на центр ковра все свои игрушки. Лера, равнодушно перебирая кубики, солдатиков, машинки, удивленно спросила:

– А где Бэтмен, Человек-паук, рейнджеры?

Илья молча пожал плечами. Лера зевнула.

– Включил бы телек. Может, там что-нибудь толковое покажут?

Мальчик переключал разные программы, но девочка оставалась недовольной.

– У вас что, современные каналы не показывают? Там ведь самые прикольные мультики! – сказала Лера.

– Ты это имеешь в виду? – Илья нажал на кнопку, и на экране появились безобразные чудовища. – Как видишь, показывают, только я их не включаю. Смотри, какие они страшные. Зачем мне эти монстры?

– И «Человека-паука» не смотришь? – все с большим недоумением спрашивала Лера.

– Да, не смотрю! Что там хорошего? Ты глянь, какие они злые. Одни глаза чего стоят. А моя мама говорит, что глаза – зеркало души.

– Ну, конечно! Я так и думала – маменькин сынок!

– Хочешь, поставлю видеокассету? – словно не замечая колкостей в свой адрес, предложил Илья. – Выбирай: «Винни-Пух», «Капитан Врунгель», «Трое из Простоквашино».

– «Чебурашка», «Неваляшка», бе-бе-бе, – насмешливо протянула Лера и показала язык.

Илья не на шутку рассердился:

– Что? Да я тебе...

Но тут открылась дверь, и детей позвали за стол. За обедом обе мамы обеспокоенно поглядывали на их сердитые лица. После чая Светлана Петровна предложила детям пойти на улицу в надежде, что там они быстрее помирятся.

Во дворе Илья подошел к Лере, но вместо примирительных слов вдруг закричал:

– Что ты делаешь? Зачем ты хочешь оторвать жуку крылья?

– Вот прицепился! Это не делай, то не смотри! Зануда!

– Лера! Ты что, не понимаешь? Он же живой! Ему больно! Насмотрелась своих страшилок!

Лера надула губки, на глаза у нее навернулись слезы. Илья пожалел, что обидел ее. «Но ведь она меня первая обозвала занудой».

– А у нас в подвале кошка живет. Недавно пятерых котят принесла. Хочешь, покажу? – предложил Илья.

– Небось блохастая? – сквозь слезы произнесла девочка.

– Я пойду кормить ее. Пойдешь со мной?

Валерия нехотя побрела за Ильей. Подходя поближе, они слышали громкое, тревожное мяуканье кошки. Илья побежал. Не оставала и Лера. Возле подвала собрались ре-



бята. Они наперебой стали рассказывать, что кто-то заделал отверстие, через которое кошка пробиралась к своим котятam. Она кричала и металась из стороны в сторону, а из подвала доносился писк. Глядя на нее, дети зашмыгали носами.

— Смотрите, — крикнул Илья, — цемент еще не застыл!

— Так что же мы стоим? — воскликнула Лера.

Вооружившись ржавым гвоздем, куском стальной проволоки и старой отверткой, ребята поочередно ковыряли зацементированное отверстие. Когда работа была окончена, кошка стремительно бросилась к своим малышам.

Валерия подошла к Илюше.

— Знаешь, я никогда не думала, что животным бывает так же больно, как и нам, людям. Если бы кошка могла, она бы плакала. А ведь и у жука тоже, наверно, есть дети.

— Значит, ты на меня больше не сердишься?

— Конечно, нет!

Уставшие и чумазые, они улыбнулись друг другу.

## НЕПУТЕВАЯ

**Не**га и **Ле**та были сестрички. Шустрые, темно-рыжие, порода – сеттер. Взял их дедушка для охоты на уток и прочую мелкую живность. Вообще-то, сначала он хотел завести одну собаку, но вышло так, что по приезде домой в корзинке их оказалось две. А как это произошло, я вам сейчас расскажу.

Мне тогда исполнилось шесть лет. Так уж случилось, что воспитывали меня бабушка и дедушка. Хотя то были времена насаждения атеизма, но у бабушки ничего не менялось. В красном углу на полочке стояли иконы, она ходила в храм по воскресеньям, молилась и еще цела мне старинные канты о Богородице, ангелах и святителях. Для нее это было так же естественно, как дышать. Меня она ни к чему такому не приучала, но то, что я просто видела и слышала, в дальнейшем сделало мой путь к Богу проще и легче, чем у многих моих друзей и знакомых.

Я росла непоседой и шалуньей. Мне часто доставалось за проделки. Меня наказывали, просили подумать над моим нехорошим поведением, но все было напрасно. Стоя в углу и ковыряя старые обои, я вместо покаянных дум о содеянном, как правило, замышляла новые проказы.



Однажды дедушка собрался в соседний поселок за щенком и решил взять меня с собой. Радости моей не было предела. Я весело прыгала, напевая: «Ой-ёй-ёй! Ля-ля-ля!» Много ли надо ребенку для счастья!

В поселке дедушка купил мне в магазине мороженое, и мы отправились выбирать щенка.

Щенки жили в сарае за деревянной перегородкой вместе с шоколадно-рыжей мамой. Их оказалось двенадцать штук. Этакая твякающе-скулящая шевелящаяся орава.

Дедушка долго выбирал Негу. Имя он придумал заранее. Брал щенков за загривок, зачем-то дул в носики, внимательно рассматривал, пускал маленьких собачек бегать по дощатому полу сарая, звенел ключами. Наконец дедушка объявил:

– Вот она! Это наша Нега! – и торжественно посадил щеночка в принесенную нами корзинку.

Я внимательно наблюдала за происходящим, а когда выбор был сделан, дернула дедушку за пиджак и решительно потребовала:

– А я хочу вон ту, с белым пятнышком на мордочке!

Дедушка потрепал меня по голове и заговорил с хозяином. Из всего услышанного я поняла, что выбранная мной собачка какая-то

не такая и что дедушка ее не возьмет. Я надулась. Дедушка приметил мое настроение и пообещал на обратном пути купить в магазине моих любимых шоколадных конфет.

Вместе с хозяином щенков он отошел на несколько минут, а я осталась в сарае. И что же, вы думаете, я сделала? Достала из-за загородки щеночка с белым пятнышком и выпустила его на пол. Маленькая собачка побегала немножко, а потом сама полезла в корзинку к своей сестричке, к нашей Неге. Я только чуть-чуть подсадила ее. Совсем немного.

По приезде домой все обнаружилось. Мне крепко досталось.

Дедушка с бабушкой долго советовались, и потом дедушка сказал:

— Ладно, пусть и эта остается. С хозяином я договорюсь. А ты придумай ей имя!

— Ее зовут Виолетта! — неожиданно для себя выпалила я.

Так у нас стали жить Нега и Виолетта. Спали они вместе, в обнимку. А имя Виолетта само собой постепенно сократилось, и все стали звать ее Летой. Нега была очень правильной. Делала все так, как надо. И дома, и на охоте. Дедушка в ней души не чаял. Лета оказалась полной противоположностью. Дома могла нашкодить, разогнать кур, уст-



роить потасовку с котом или прокрасться на кухню и стянуть что-нибудь. На охоте Лета бестолково носилась по лесу, лаяла невпопад от избытка энергии, пугала дичь.

– Непутевая! – говорил про нее дедушка и очень редко брал с собой в лес.

Так и получилось, что Лета общалась в основном со мной. Мы целыми днями гуляли, беспечные, наслаждаясь свободой. Благословенные детские годы! В памяти моей почему-то все сливается в ощущение удивительного света, покоя и счастья...

Мы часто ходили в лес за грибами. Лета даже научилась находить их. Она гоняла по

полям зайцев, вспугивала куропаток и перепелов, ела землянику и лесную малину прямо с куста. А один раз принесла дедушке зайца и положила у его ног. Мол, и я кое-что умею!

Прошло несколько лет. Однажды дедушка с Негой отправились охотиться на уток. Лета порывалась пойти с ними, скулила и просилась, но ее заперли в сарае. Домой дедушка вовремя не вернулся. На следующее утро, едва начало светать, его принялись искать всей деревней.

Отправились и мы с Летой и бабушкой. Бабушка тихонько молилась, а Лета деловито шла по следу. Наконец мы нашли дедушку и Негу. Лета обнаружила их в овраге, километрах в десяти от деревни.

Позднее мы узнали, что на дедушку напал кабан-подранок. Зверь порвал ему ногу, ранил в бок. Если бы не Нега, дедушка мог бы погибнуть. Собака вцепилась огромному противнику в загривок, и тот мотал ее, пока не сбросил. После этого кабан принялся рвать и топтать ее. В те минуты дедушка только и мог, что шептать про себя: «Господи, помилуй!» Неге крепко досталось. Она была вся изранена и помята, кабан сломал ей задние лапы, переломал ребра. Но все же мужественная собака отвлекла на себя внимание

зверя, дав хозяину возможность отползти в сторону. Дедушка сумел перевязать раны и стал молиться и ждать помощи.

Когда мы их обнаружили, Лета страшно разволновалась. Она принималась лизать то дедушку, то Негу, то вдруг, ощерившись и вздрагивая, начинала грозно рычать, принюхиваясь к кабаньим следам.

После этого случая Нега не могла уже больше охотиться. Ее заменила Лета. Удивительно, насколько изменился у нее характер. Конечно, она не оставила совсем своих проказ, но на охоте вела себя безукоризненно. Дедушка не мог ею нахвалиться.

А как трогательно было видеть, когда Лета выводила на прогулку хромающую Негу, и они потихоньку шли к озеру, где сидели рядышком, глядя в воду, или занимались какими-то своими собачьими делами на берегу.

Когда Нега умерла, Лета долго скучала, скулила и звала сестру. Дедушка говорил: «Вот тебе и непутевая! Как она, оказывается, Негу-то любила! Эх ты, собачья душа!» — и ласково гладил Лету по голове, а она клала ему голову на колени и... улыбалась.

Давно все это было. Нет уже на белом свете любимых дедушки с бабушкой. Спят они вечным сном рядышком на деревенском по-

госте. В далеком прошлом остались отважная Нега и проказница Лета.

Но живет у нас праправнучка Леты, рыженькая Кнопка с шаловливыми карими глазами и маленьким белым пятнышком возле носика. Мой сын играет с ней, а супруг приучает охотиться на уток.

Для меня же Кнопка — напоминание о детстве, о бабушке с дедушкой и двух собачках-сестричках, которых я любила. А еще о том, что и я сама была, в общем-то, непутевой, озорной и бестолковой девчонкой. Может быть, с тех пор я не слишком изменилась, но еще в детстве мне стало понятно, что верное, доброе, любящее сердце может быть и у тех, кто не отличается безупречным поведением.

Кнопка сидит и смотрит на меня преданными глазами. Может быть, потому что я ее кормлю, а может, потому что в ее сердечке, как и в сердце каждого из нас, заложено неистребимое желание любить и быть любимыми.

## ЩЕДРОСТЬ

**П**осле зимних каникул Данила пришел в школу и получил сразу два подарка – новогодний и рождественский. Мальчик болел и не был на утреннике.

– Данила, – попросила учительница, – спрячь сладости в портфель и не отвлекайся, ты и так много пропустил.

Начался урок. Данила старался быть внимательным, но то и дело вспоминал про подарки. Еще бы! От ребят он знал, что там вкусные шоколадки, леденцы, а самое главное – пакетик его любимых желатинок. И мальчик украдкой засовывал руку в портфель, проверяя, на месте ли конфеты.

На перемене Данила достал один пакет и, раскрыв его, громко позвал:

– Ребята, все сюда, угощайтесь, берите кто что любит!

Два раза повторять не пришлось – одноклассники стайкой обступили Данилу и, толкая друг друга, тянулись к лакомству.

Учительница, вернувшись в класс, застала дружно жующих ребят и наполовину опустошенный кулек. «Родители могут быть недовольны», – подумала она. Подойдя к своему столу, она громко произнесла:

– Данила, неси подарок сюда.





Мальчик протянул пакет учительнице и, улыбаясь, сказал:

– Простите меня, Светлана Владимировна, вам первой надо было предложить.

– Ну что ты, Данила, спасибо, – от неожиданности учительница смутилась. – Будешь уходить домой, забереешь, – сказала она и, завязав пакет, положила его на подоконник.

Мальчишки и девчонки, разочарованно вздохнув, стали расходиться по своим местам.

Данила залез под парту, где стоял его портфель, и достал из него второй подарок – картонную коробочку в виде домика. Открыв ее, он весело закричал:

– Ребята, у меня еще один есть, угощайтесь!

Все опять столпились возле мальчика. Зашуршали фантики от конфет, и класс наполнился вкусным запахом шоколада. Светлана Владимировна стояла у окна и думала: «Кто из взрослых способен на такой поступок? Наша щедрость избирательна. Мы с радостью дарим подарки и душевное тепло тем, кто нам нравится. К остальным же, как правило, безразличны и уделяем свое внимание только по необходимости. Хотя, – продолжала размышлять она, – если есть ребенок, способный на такую щедрость, значит, есть и взрослый, который его научил».

– Светлана Владимировна, Светлана Владимировна! – раздался голос Данилы.

Перед учительницей стоял счастливый мальчик и протягивал большую шоколадку.

– Это вам, – улыбнулся он, – возьмите, вкусная, с орехами!

Светлана Владимировна взяла шоколад. Она не могла лишиться мальчика радости дарения.

– Спасибо, Данилушка, это мой любимый шоколад, – тепло сказала учительница и подумала: – «И очень дорогой подарок, ведь сегодня я узнала, что такое щедрость».

Светлана Владимировна машинально посмотрела на часы.

– Ребята, – сказала она, – сейчас мы проведем классный час.

– У нас же по расписанию русский! – напомнила Юля, староста.

– Ничего, мы нарушим расписание, – улыбнулась учительница.

– А какая тема? Мы не готовы, – зашумели ребята.

– Я тоже не готова, – тихо, чтобы никто не слышал, сказала Светлана Владимировна, громко добавив: – Тема сегодняшнего классного часа – щедрость.

## ОТКРЫТИЕ

— Ну что? Опять ничего не выучил! — возмущенно говорила Галина Петровна, ставя в дневник Вани Тупорева очередную двойку.

Галина Петровна — классный руководитель шестого «А» — была женщина строгая и требовательная. Ее класс считался образцовым, но с появлением новенького благополучные показатели покатались вниз.

Лишь на уроках истории Ваня иногда вдруг блестяще освещал тему, сопровождая ответ подробностями, отсутствующими в учебнике. Тогда Галине Петровне казалось, что новому ученику что-то мешает заниматься. Но что — он не говорил никому.

Ребята встретили новичка настороженно. Он ни с кем не разговаривал, даже с соседом по парте, ограничиваясь односложными «да» или «нет», и после занятий сразу исчезал. На уроках Ваня сидел, погруженный в свои мысли, часто отвечая невпопад на самые простые вопросы учителей. Поэтому ребята сразу придумали для новенького кличку Тупарь. Но когда один из мальчиков остановил Ваню окриком: «Эй, Тупарь!» — тот оглянулся, взял обидчика за плечи, негромко сказал: «Меня зовут Иван, а фамилия Тупорев, запомни!» —



и, легонько оттолкнув его, вышел. От этого толчка мальчишка отлетел к стене. Ребята сразу зауважали Ваню и даже сочинили, что он чемпион по боксу. Однако никто не попытался подружиться с ним – его просто стали побаиваться.

Из всех ребят только Максим чувствовал сердцем, что у Вани какая-то беда. Но подойти к нелюдимому новичку не решался.

Однажды встреча все-таки состоялась. Возвращаясь в воскресный день из библиотеки, Максим увидел впереди Ваню с двумя сумками. Он легко догнал его, приветливо поздоровался и взял одну из поклаж. Ребята разговорились. Оказалось, что оба любят читать исторические повести. Чем больше Максим слушал Ваню, тем сильнее удивлялся: «Вот тебе и Тупарь! Как много он знает и как интересно рассказывает!»

Ваня предложил Максиму зайти к нему и выбрать что-либо из библиотеки отца. Мальчик с радостью согласился.

Дверь им открыла старушка, опирающаяся на палочку.

– Бабушка, – сказал Ваня, – познакомься, это Максим, мой одноклассник.

Старушка приветливо улыбнулась.

– Мы посмотрим с ним папину библиотеку, и Максим возьмет что-нибудь почитать.

Тут из другой комнаты выбежали две девчушки лет трех-четырех. Они радостно кинулись к брату.

— Ваня, Ваня! Ты нам купил чего-нибудь вкусненького?

— Купил, купил, — ласково засмеялся мальчик, а затем строго произнес: — А ну бегите в свою комнату и ждите. Бабушка сварит вам сладкую кашу, а сейчас я занят.

Пока Максим выбирал себе книгу, с интересом рассматривая редкие издания, Ваня, вздохнув, пояснил:

— У нас, Максим, сейчас сложная ситуация. Папа уехал на год в командировку, мама попала в больницу, а бабушка, сам видел, какая... Мне приходится всех заменять. Особенно сложно с сестренками. С ними и погулять надо, и искупать, и постирушки разные, да и маму надо навещать... Заниматься совсем некогда. Но вот выйдет мама из больницы, устроим девчонок в детский сад, я быстро догоню.

— Почему же ты не расскажешь об этом Галине Петровне? — удивился Максим.

— Я не люблю жаловаться, — ответил Ваня.

На следующий день он опять получил двойку...

— Снова ничего не выучил, — укоризненно сказала Галина Петровна. — И сидишь ка-

кой-то отсутствующий. Ты бы тогда уж лучше совсем на занятия не ходил!

– Хорошо! – сказал вдруг Ваня, схватил портфель и выбежал из класса.

– Иван, вернись! – крикнула вслед ему растерявшаяся учительница, но тот был уже далеко. Галина Петровна, огорченная, опустилась на стул.

Ребята притихли. И тут Максим поднял руку.

– Ты хочешь что-то сказать? – устало спросила учительница.

– Я был вчера у Вани, – пояснил мальчик. – Ему сейчас некогда заниматься: папа в командировке, мама в больнице, бабушка еле ходит, да еще две маленькие сестренки.

– Почему же он мне ничего не сказал? – удивленно спросила Галина Петровна.

– Он не любит говорить о своих делах, – объяснил мальчик.

– Ты молодец, что рассказал, – произнесла учительница и продолжала урок, но была задумчива и никого не ругала.

После занятий она пошла к Ване. Ее встретила бабушка, Вани не было дома, он пошел за продуктами.

– Я понимаю ваше беспокойство, – вздохнула старушка, – сама была сорок лет учительницей. Первые годы работала в селе.

Там проще было. Все друг друга знали. А в городе люди живут разобщенно, даже дети. Тут еще новая школа. Некогда сейчас заниматься Ване, весь дом на нем. А я совсем плоха... Вы не беспокойтесь, он догонит.

Они долго разговаривали. Учительница ушла успокоенная и встревоженная одновременно.

На следующий день Галина Петровна отпустила Ваню пораньше, а весь класс попросила помочь ему, пока его мама в больнице. Девочки тут же решили по очереди гулять с малышками и помогать бабушке готовить обед. Мальчики возьмут на себя магазины, а Максим будет заниматься с Ваней.

Так и было. Прошел месяц. Когда мама Вани вернулась из больницы, она напекла пирогов и пригласила в гости весь класс вместе с Галиной Петровной. То-то было весело! Дети заметно сблизились, открывая радость дружбы и заботы о ближнем.



## БАРБИ

**Т**анечка часто подолгу жила у бабушки. Обычно после детского садика они неторопливо шли к бабушкиному дому через заросшие тополями старые дворики и улочки.

Иногда завершением их прогулки был «Детский мир», стеклянные витрины которого выходили на шумный проспект. Бабушка жила именно в том доме, на первом этаже которого располагался магазин.

Всякий раз, подходя к дому, Таня начинала уговаривать бабушку зайти в это волшебное царство. Порой та соглашалась, так как и сама любила побродить среди изобретательно оформленных витрин и прилавков, чтобы подобрать для любимой внучки новое платье, кофточку или туфельки.

А Танечку больше всего привлекал отдел, где в разнообразных интерьерах обитала золотоволосая кукла Барби.

Блестящие глаза девочки с восхищением взирали на всех этих Барби, разодетых в красочные платья. Вот кукла принимает гостей в своем доме, вот едет в автомобиле, вот она качается на качелях.

Продавицы этого отдела, сами напоминающие Барби своими прическами, уже узнавали Танечку. Один раз они даже дали подер-



жать ей куклу. Малышка с восторгом рассматривала ее, тонкую, длинноногую, золотоволосую, одетую в платье сказочной принцессы. С тяжелым вздохом Таня рассталась с ней.

И папа, и мама, и даже бабушка отказывались купить ей Барби.

– Очень дорогая, – говорил папа.

– Купим куклу, потом надо будет кукольный дом, автомобиль и все остальное... Знаем мы эти штучки! Сплошное разорение! – говорила мама.

А бабушке кукла почему-то вообще не нравилась. Она только как-то хитренько улыбалась, но помалкивала, видя Танечкино восхищение. Однажды девочка спросила:

– Бабуль! Ну что смешного? Скажи!

– Да ничего, внученька, – ответила бабушка. – Тебе нравится, ну и ладно. Только вот уж больно худа твоя Барби. В жизни-то такие девушки редко встречаются, да и то их жалко становится. Должно быть, совсем ничего не едят, чтобы фигуру не испортить. А может, больные?

Как-то бабушка спросила:

– Слушай, Таня! Что это за два паренька продаются к твоей кукле? Женихи, что ли?

– Ну, наверное, – отвечала девочка.

– Сразу два! Ай да Барби! – посмеивалась старушка.

По воскресеньям Таня и бабушка ходили в храм. Малышка старательно ставила свечи, подпевала хору, крестилась и кланялась вместе со всеми. В храме ей нравилось.

После литургии они неторопливо шли домой.

– Ах, Танюша! Как хорошо на службе-то! – говорила бабушка. – Вот где красота истинная, неземная! – она вздыхала и крестилась.

– Хорошо... – отзывалась внучка.

Однажды к бабушке приехал ее старший сын Вадим, Танечкин дядя. Проживал он в Америке, работал программистом в какой-то крупной компании. Вадим был высокий, кудрявый, в очках и отличался большой рассеянностью. Он постоянно о чем-то глубоко задумывался и часто что-то записывал в свой ноутбук. Если бабушка или Таня окликали его в это время, дядя не отзывался. Чтобы привлечь внимание, его приходилось тормошить.

Как-то дядя Вадим и Танечка отправились на прогулку и, конечно, очень скоро очутились возле «Детского мира». Дядя Вадим рассеянно рассматривал выставленные на витрине игрушки.

– Ну, что тебе купить? – подмигивая, спросил он. – Проси что хочешь!

Танечка, не веря своим ушам, дрожащим голосом произнесла:

— Вот эту куклу, — указывая пальчиком на Барби.

Тут у дяди Вадима зазвонил в кармане телефон. Он кивнул головой и сказал племяннице:

— Хорошо, хорошо! Вот завтра деньги поменяю и куплю.

На следующий день, когда бабушка забирала внучку из садика, та побоялась спросить, купил ли дядя Вадим ей Барби. В этот день они никуда не заходили. Таня тащила бабушку домой так, что та едва поспевала за ней.

А дома на диване рядом с улыбающимся дядей Вадимом Танечка увидела игрушку — хорошенького младенца в коляске. В придачу к нему полный набор пеленок, распашонок, одеял и подушек. Младенец закрывал и открывал глаза, сосал соску и даже говорил «мама».

Танечка расплакалась. Дядя Вадим и бабушка засуетились. Таня все плакала и плакала. Бабушка шепнула что-то сыну, он сделал большие глаза, поспешно оделся и ушел.

Бабуля взяла Таню на колени и прижала к себе.

— Ну что ты, не плачь, не надо, — говорила она.

Девочка постепенно успокоилась. Вскоре вернулся дядя Вадим с огромными пакетами, из которых начал доставать Барби, ее друзей и все хозяйство: дом, автомобиль, мебель, качели.

– Танюша! Прости меня, дурака старого, – говорил он, улыбаясь. – Я почему-то решил, что ты хочешь этого чудесного младенца. Прекрасная игрушка! А Барби... Дело в том, что психологи считают, что это вредная игрушка. Но раз ты так хочешь, то уж ладно!

– Вредная? – изумилась Таня. – Не может быть! Почему?

– Видишь ли, хорошая игрушка будит воображение ребенка – он многое домысливает сам, доделывает, конструирует. А с Барби что? Меняй платья да переставляй мебель. Эта кукла не требует заботы, не воспитывает доброту, участие и любовь. Скорее наоборот. Барби диктует детям, какими они должны быть внешне, а значит, и внутренне. А если девочка выглядит совсем не так, как Барби? Начинаются трагедии... Да что это я разболтался! Тебе это все пока трудно понять!

Таня удивленно смотрела на обретенное сокровище и не могла поверить, что за этой притягательной и чарующей красотой таится какое-то зло.

«Неужели дядя прав? Не может быть!» — думала она.

После отъезда дяди Вадима Танечка вначале часто играла с Барби, которая заняла в квартире у бабушки целый угол.

Но со временем девочка ловила себя на мысли, что ей наскучила эта взрослая тетя. Танечку тянуло нянчить младенца Андрейку, которого надо кормить, баюкать и которому надо менять пеленки, хотелось играть с одноглазым зайцем или со старым плюшевым Мишкой.

А Барби все чаще оставалась одна на своем роскошном диване и смотрела красивыми голубыми глазами в пустоту.

## СЮРПРИЗ

**К**остя радостно вбежал в комнату:

– Мама! Письмо от папы!

Вера вскрыла конверт и стала читать.

– Ну что там, что? – нетерпеливо спросил мальчик.

– Что он может писать? – раздраженно ответила мама. – Чтобы мы собирали вещи и приезжали к нему, – и она прочитала несколько строк. – Он просто сошел с ума! Ехать на Север, в какой-то неизвестный поселок, которого и на карте нет. Да по нему, наверное, белые медведи бродят!

– Ну и пусть белые медведи, зато мы будем с папой, – возразил Костя. – Не поедешь – поеду один.

– Не говори глупостей! – Мама не узнавала своего всегда послушного и спокойного мальчика. – Папа одумается и сам вернется к нам. Смешно! Бросить город, прекрасную квартиру, мне – работу, тебе – школу, и ради чего? Подумаешь – начальник строительства! Стройка! Она может продолжаться годами. И что за люди там, не с кем слово будет молвить. И вообще, Костя, не вмешивайся во взрослые дела. Иди в свою комнату.

Костя ушел. Он сел и задумался. Уже два года они живут без папы. Костя помнил, как



перед отъездом отец посадил его на колени и прижал к себе:

– Ну, Костик, не расстраивайся! Построим дом, и ты с мамой сразу приедешь. Пройдет год-два, и мы снова будем вместе.

Но когда через год пришло от папы письмо, где он просил жену собрать самое необходимое и выехать к нему поселиться во временном жилище, мама категорически отказалась.

– Ни за что! – сказала она. – Знаю я эти временные жилища. Ванны нет, туалет во дворе, а вместо газа – печь, которую нужно топить дровами!

Теперь папа пишет, что уже построили настоящий жилой дом, и опять зовет жену и сына приехать. Обращается к Косте, как к взрослому, просит уговорить маму. «Все приезжают семьями, – рассказывает папа в письме. – Вот дядя Саша, Костин крестный, едет на стройку, забрав не только сына Юру, но и пятилетнюю Ирочку, хотя бабушка просила оставить внучку с ней».

Костя был в растерянности. Мама снова отказывается. Что делать? Надо ехать к папе. Но как? И тут у него родился план. Он пошел к своему другу Юрке выяснить, когда они едут.

Придя к Юрику, он увидел, что вся семья, включая Ирочку, занимается сборами.

– Да, уезжаем, – радостно сообщил Юрка. – Вчера наш папа получил вызов.

Тогда Костя рассказал другу о нежелании мамы ехать и изложил план побега.

– Я поеду с вами, – заявил Костя. – Пока твои родители будут прощаться с друзьями, зайду в вагон, влезу на верхнюю полку, а ты закроешь меня матрасом и чемоданами.

Когда сажались в поезд, все получилось по плану. Юра строго-настрого запретил сестренке говорить родителям о спрятанном Косте.

– Это будет наш сюрприз, – предупредил он.

Поезд тронулся. Проводница проверила билеты и начала разносить чай. Юра с сестренкой с интересом следили за мелькающими станциями, водокачками, мостами. За окном стало темнеть. Вдруг Ирочка, показывая пальчиком на верхнюю полку, сказала:

– Мама, папа, а там для вас сюрприз!

Дядя Саша вытащил Костю из укрытия, не зная, смеяться ему или сердиться. О возвращении Кости домой уже не могло быть речи. Дядя Саша на большой остановке отбил Вере телеграмму. Через два дня Костя попал в объятия отца.

Вера поохала-поохала и, решив, что, видно, на все воля Божия, стала собираться в дорогу.

Веселого и бойкого Юрку поселковые ребята приняли сразу, а к Косте приглядывались, уж больно тихим он им показался. Но вскоре они поняли, что Костя не тихий, а мирный. Он совершенно не задавался, что его папа начальник стройки. А когда все узнали от Юрки о побеге Кости из дома, то решили, что он парень смелый и находчивый.

А вот Вере, его маме, в поселке было не по себе, хотя она и устроилась на работу в библиотеку.

Прошло два года. Костя сильно изменился. Он во всем хотел походить на отца, старался быть точным, добрым, справедливым. Все свободное время Костик проводил со своими новыми друзьями.

Мама не узнавала в решительном и настойчивом сыне прежнего милого и послушного мальчика, всегда чистенького и ухоженного. Теперь Костя мог вернуться домой растрепанный, в мокрой куртке, весь осыпанный снегом. Он весело пытался что-то объяснить маме, но она только морщилась и перебивала сына:

— Посмотри, на кого ты похож! Иди переоденься и причешись!

Костя замолкал и все реже делился с ней своими мальчишескими проблемами. Мама



видела, как сын отдаляется от нее. Это сильно ее тревожило, и она уже подумывала, не вернуться ли ей с сыном назад. Но тут произошло событие, которое многое изменило.

В субботу вечером ребята катались на речке на коньках. Вдруг один из мальчиков провалился. Он стал хвататься руками за кромку льда, но тот ломался. Его одежда намокла, мальчуган весь заоченел. Ребята растерялись и побежали за помощью в поселок. Но тут Костя лег на лед и ползком приблизился к полынье. Он бросил товарищу конец своего шарфа и вытащил тонущего. Они отползли на безопасное место. Подоспевшие мужчины схватили замерзающего мальчика и кинулись к ближайшей избе.

Утром весь поселок знал о смелом поступке Кости. Когда мама вышла на улицу, все к ней подходили, жали руку и благодарили за то, что воспитала такого отважного сына. Мама улыбалась, смущенно что-то говорила и первый раз за эти годы не чувствовала себя в поселке чужой.

Вернувшись домой, Вера по-новому взглянула на сына. Она увидела, как он подрос, возмужал, какое у него открытое и доброе лицо, смелый взгляд, как он стал похож на отца. «Это наш сын!» — с гордостью подумала она.

## ТЯСИНА

**Т**яжело заболела мать, и нам нечего было есть. Голодное послевоенное время... Я стояла перед выбором: пойти или не пойти в лес, ведь там болото... Про него много говорили в городке, это было топкое, гиблое место. Но здесь росли брусника с клюквой, и смельчаки набирали полные ведра.

Наша семья была многодетной. Отец пропал без вести на войне. Мама работала в нескольких местах — так и перебивались, с Божией помощью.

Но вот мама заболела. Мы, дети, собрались за ягодами-грибами в лес. У мамы даже не было сил перекрестить нас. «С Богом!» — прошептала она.

Стоял жаркий день. Подойдя к маленькой церквушке, мы вошли внутрь. В церкви, как в роднике, хранилась прохлада. Но надо было идти в лес...

Мягкий мох приятно пружинил под грубыми кирзовыми сапогами. Тишина лишь изредка нарушалась криками птиц, да ветер шелестел в кронах деревьев.

Мы разбрелись по лесу. Стали попадаться грибы. Сначала я перекликалась с братьями и сестрами, затем они перестали отвечать. В следы уже набиралась вода. На-



чиналось болото. Дальше идти опасно, но... больна мама.

Впереди открылась обширная поляна. Мох теперь рос на бугорках, в ямках стояла вода. Приходилось перепрыгивать с кочки на кочку. Они пружинили, уходили под воду.

От багульника кружилась голова. Пора было возвращаться. Но тут я увидела россыпи клюквы. «Здесь только соберу и вернусь», – подумала я. Передо мной расстился ковер ярко-зеленой травы. Я шагнула на него и... провалилась по пояс. Это оказалась трясина. Тяжелые сапоги тянули на дно. «Мама!» – закричала я.

Как потом рассказывала мать, внезапно дрогнуло ее сердце. Она почувствовала: с детьми беда. Мама сползла с кровати, встала на колени перед иконой Божией Матери и начала горячо молиться.

Меня засосало уже по горло. Сил кричать не было, я едва слышно шептала: «Господи, помилуй!» Мать когда-то научила меня: «Если тебе будет плохо, дочка, то проси Господа, Он спасет и все устроит»...

Вдруг, уже теряя сознание, я почувствовала мощный толчок откуда-то снизу, словно какая-то невидимая сильная рука вытолкнула меня на поверхность. Как я выбралась из болота, помню смутно. Меня уже разыскивали испуганные братья и сестры.



## МОЛИСЬ ЗА МЕНЯ

**Н**а скамейке у нового, только что заселенного дома сидели две девочки. Они еще не познакомились, но с интересом поглядывали друг на друга. Одна из них, Маша, веселая, со здоровым румянцем и темными любопытными глазками, держала в руках куклу. Вторая девочка, Лиза, была из Чернобыля. Бледненькая и худенькая, не по годам серьезная, она тоже играла со своей куклой, перебирая в небольшом сундучке ее платья.

Но как отличалась эта кукла от Машиной! На ней была пышная юбка из какой-то блестящей ткани, голубая кофточка с вышивкой, на голове берет, на ногах красные башмачки.

Маша с восторгом смотрела на красивую игрушку.

Заметив это, Лиза приветливо заговорила:

– Тебя как звать?

– Маша.

– А меня Лиза. А как зовут твою дочку?

– Дочку? Она же не живая, просто кукла, – растерялась Маша.

– Как просто кукла? – в свою очередь удивилась Лиза. – Ведь ты не просто девочка, а Маша. Правда? Когда тебе подарили куклу, она стала твоей дочкой, и у нее должно быть имя.

Маше понравились объяснения девочки. Она подвинулась к ней и радостно сказала:

— Я назову свою дочку Ниной!

— Нина — хорошее имя, — согласилась девочка. — А мою зовут Катя.

— У твоей дочки измялось и запачкалось платье, — заметила Лиза, — в таком виде девочки не должны выходить гулять. Давай переоденем ее. Наши дочки одинакового роста, и платья Кати подойдут твоей Нине.

И Лиза выложила на скамейку все содержимое сундучка. У Маши даже глаза разбежались: она никогда не видела столько красивых кукольных нарядов.

— И мне можно взять любое платье? — недоверчиво спросила она. — Насовсем? И тебе не жалко?

— Нет, конечно, — улыбнулась Лиза. — Ведь Иисус Христос говорил: «Не собирайте себе сокровища на земле, собирайте на небесах», — и она с какой-то надеждой посмотрела на небо.

Вернувшись домой, Маша вздохнула и рассказывала маме о Лизе и ее дочке Кате и вдруг заплакала:

— Мама, мама, купи у Лизы ее куклу и платье! У меня такой куклы никогда не было! Ну купи!

Тамара Ивановна, Машина мама, ни в чем не отказывала дочери:

— Не плачь, детка, куплю, конечно, куплю. Я дам ей много денег, и она с радостью согласится.

Вечером, когда обе девочки снова уселись на скамейку, к ним подошла Тамара Ивановна.

— Ну-ка, Лиза, покажи мне свое богатство, — снисходительно попросила она. Но осмотрев содержимое сундучка, Машина мама удивилась: — И кто тебе такую красоту сшил?

— Сама, — ответила Лиза. — После Чернобыля я почти год не ходила, и мама, чтобы я не скучала, научила меня шить.

— Вот что, Лиза, Маше очень понравилась твоя кукла. Я хочу у тебя ее купить вместе с сундучком. Я дам тебе за нее сто долларов. Договорились?

— Продать Катю? — удивилась Лиза. — Но ведь это моя дочка! Разве вы могли бы продать кому-нибудь свою Машу?

Взгляд серьезных серых глаз Лизы смутил Тамару Ивановну.

— Лиза, но ведь Катя не девочка, это кукла. За деньги, которые я дам тебе или твоей маме, можно купить не только новую куклу, но и многое другое.

— Она была куклой, когда жила в магазине, — возразила Лиза, — но когда мне ее пода-



рила мама и я полюбила ее, она уже не кукла, а моя дочка.

– Неужели, Маша, – обратилась она к подружке, – ты хочешь купить мою дочку? Ведь я ее мама, она любит меня, а ты будешь для нее чужой.

– Нет, нет, я этого уже не хочу! Я не хочу отбирать у Лизы дочку!

– Ну хорошо, – продолжала Тамара Ивановна, – продай тогда Маше несколько платьев. Ты сошьешь для своей куклы новые.

– Почему продать? – улыбнулась Лиза. – Мы же подружки. Маша может выбрать для своей дочки все, что захочет.

«Странная девочка, – подумала Тамара Ивановна, – но какая добрая». И она решила познакомиться с Лизиной мамой.

На ее звонок дверь открыла молодая женщина с такими же, как у Лизы, серыми глазами.

– Я Машина мама, – сказала Тамара Ивановна. Смущенно смеясь, она рассказала, как хотела купить у Лизы куклу и как та категорически отказалась.

Но Ефросинья Александровна, мать Лизы, восприняла рассказ Тамары серьезно.

– Нам надо многому учиться у детей, – сказала она. – Ведь они совсем по-иному, чем мы, воспринимают мир: сердцем, а не

умом. Недаром Иисус Христос сказал: «Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

— Как интересно вы рассуждаете! Я бы хотела иметь такую подругу.

— Вот и заходите как-нибудь вечерком ко мне. Может, и подружмся, — улыбнулась Ефросинья. — А ваша Маша крещеная? — вдруг спросила она.

— Нет, — смутилась Тамара, — все как-то некогда было.

— Некогда? — недоуменно переспросила Ефросинья.

— Да и крестную мать я не могла найти, — оправдывалась Тамара. — Я хоть изредка захожу в храм, а подруги вовсе неверующие.

— Ох, Тамара, Тамара! А где же вы работаете?

— Да не работаю я! Муж говорит, сиди дома, не нужны мне твои копейки, лучше воспитывай ребенка.

— Что ж, Тамара, если хочешь, я могу стать крестной матерью твоей Маши. Вот и подружмся. Но я буду строгой крестной — в церковь с детьми будем ходить, в воскресную школу отдадим.

Обрадованная Тамара кинулась обнимать Ефросинью.

Машу крестили. Ефросинья и Тамара стали часто видаться. Их девочки так полюбили друг друга, что с трудом расставались.

К несчастью, Лиза чувствовала себя все хуже и хуже. Сказалась черныбыльская беда, от которой погиб и ее папа. С помощью мужа Тамары девочку положили в хорошую клинику. Но несмотря на консультации профессоров и дорогие заграничные лекарства, Лиза угасала.

Однажды вечером Ефросинья зашла к Тамаре и передала от Лизы письмо Маше. Они прочитали его вместе и все втроем плакали. Лиза писала:

«Дорогая моя сестричка Машенька!

Я, наверное, скоро умру. Господь Бог возьмет меня к Себе на небо, и там я встречусь с папой.

Отдаю тебе мою дочку Катю со всеми ее нарядами. Она твоя! Навещай мою маму, ей будет трудно без меня. Помни, что ты теперь единственная ее дочь — крестная. Молись за меня. Я тебя очень люблю.

Целую. Твоя сестричка Лиза».

## ИГРУШКА

**В**есь тот памятный день лил дождь. Капли стекали по стеклу, небо было серым, низким. Из окна шестнадцатого этажа семилетний Мирослав разглядывал тяжелые тучи, грядами тянувшиеся до самого горизонта. Многоэтажка стояла на окраине большого города. Сразу за ней начинался лес, тонущий вдалеке за завесой дождя.

Весь день мальчик отбирал игрушки. Завтра вся семья переезжала на дачу. Родители выдали Мирославу большую картонную коробку и условились, что он может взять с собой только то, что в нее поместится.

Задача оказалась нелегкой, так как игрушек было много. Всевозможным машинкам, самолетикам и солдатикам не было числа. Они занимали все свободное пространство в комнате мальчика. Родители Мирослава неплохо зарабатывали и не жалели денег на игрушки для сына.

Отрываясь иногда от своей работы, мальчик выглядывал в окно и далеко внизу под сломанным грибком песочницы видел крошечную фигурку своего соседа, пятилетнего Максима.

Уже много дней, после того как его маму отвезли в больницу, тот часами сидел под



этим грибком в любую погоду. Так было вчера, и позавчера, и третьего дня. Мальчик отказывался уходить, есть, разговаривать. Он просто сидел и смотрел перед собой невидящим взором. Только когда приходила с работы мама Мирослава, ей удавалось уговорить Максимку пойти к ним домой и немного поесть.

Год назад у Максимки погиб в Чечне папа. Вскоре заболела мама. Рак развивался стремительно. Врачи говорили, что дни молодой женщины сочтены. Она умирала в больнице, и навещали ее только соседи — родители Мирослава. Казалось, у молодой вдовы вообще не было никаких родственников. Когда маму Максимки спрашивали о них, она лишь отворачивалась к стене, вся сжималась и упрямо молчала. Почему? Этого никто не знал. Все шло к тому, что после смерти матери Максимку должны будут определить в детский дом.

Мирослав не слишком хорошо знал своего маленького соседа. Несколько раз они играли вместе во дворе, но после гибели отца мальчик замкнулся. Мирослав пытался заговорить с ним, приглашал играть, чувствуя, что Максимке нельзя сейчас быть одному. Но, не встречая никакого отклика, вскоре забывал о нем. Детское сердце порой беспеч-



но. Мирослав занимался своими делами, а встречаясь с Максимом, бурчал приветствие и проходил мимо.

Родители обсуждали все происходящее и говорили о детском доме. Мирослав спрашивал:

— А что это такое, детский дом? Там Максимке будет хорошо?

Мама пыталась объяснить:

— Конечно, у него будет крыша над головой, еда, одежда, воспитатели. Но как бы ни старалось государство, оно не сможет заменить Максимке маму с папой. Дети должны жить в семье.

Мирослав пытался представить себе, что у него вдруг не стало родителей. Пытался — и не мог! Не укладывалось это в детской головке, только становилось отчего-то очень страшно.

— А мы можем взять его к нам? — спрашивал Мирослав, на что мама отвечала:

— Если честно, я боюсь ответственности. Боюсь, что не справлюсь. Что-то сделаю не так.

А папа добавлял:

— Да, это большая ответственность. Представь, что Максим навсегда придет в наш дом. Подумай об этом.

Мирослав представил, что Максим будет жить в его комнате, играть в его игрушки,

называть его родителей папой и мамой, и ему стало неуютно от этих мыслей.

Мирославу всегда было жалко делиться с друзьями, за что ему часто доставалось от родителей. Порой он приходил в исступление, отстаивая какую-нибудь игрушку, кричал: «Не дам! Не трогай! Мое! Отдай!», дрался и даже кусался.

Ревнивым взором мальчик оглядел свое хозяйство, пытаясь отобрать игрушки для дачи. Несколько раз он перекладывал всю коробку. После долгих и мучительных размышлений она наконец была заполнена. На самый верх Мирослав положил последнее чудо техники, недавно купленное ему папой. Удивительная машинка с дистанционным управлением и множеством замечательных функций. Она была как настоящая, только маленькая.

Вечером этого же дня Мирослава позвали в комнату родителей. Мама и папа сидели на большом диване, а рядышком с ними, похожий на маленького затравленного мышонка, ютился Максим. Папа откашлялся и решительно, будто в воду бросаясь, сказал:

— Сын! Мы договорились с мамой Максимки, что это лето он поживет с нами на даче. Если ему понравится, потом... мы возьмем

его в нашу семью навсегда. И еще. Скоро у нас будет в семье прибавление. Девочка. Вам поручается придумать ей имя.

Этой ночью Максим спал в комнате Мирослава. Они немножко поговорили перед сном об имени для малышки.

– Мне нравится имя Катя, – робко сказал Максим.

– Да ну, какое-то кошачье. Катя! Катя! – проворчал Мирослав в ответ.

– Нет, не кошачье. Екатерина – это красиво.

– Лучше Консуэло или Лионелла! Хотя Екатерина тоже ничего!

Уже засыпая, Мирослав увидел, как к ним в комнату зашла мама и перекрестила сначала его, а потом Максима. Тот уже спал, подложив ладошку под щеку, и Мирослав подумал, какой Максимка одинокий и беззащитный...

«Я буду защищать его!» – решил он.

Утром после завтрака мальчик взял свою любимую игрушку, ту самую машинку с дистанционным управлением, которую ему недавно подарил отец, и отдал Максиму со словами:

– Возьми! Я тебя научу, как с ней играть!

Максимка, взъерошенный и розовощекий со сна, вертел в руках блестящий автомо-

бильчик, и Мирослав заметил проблеск былой радости в голубых глазах малыша.

Этим ранним утром они уезжали на дачу. Город был умыт вчерашним дождем. Солнце сияло в лужах и в глазах детей. Родители загрузили машину, все расселись по своим местам, мотор радостно заурчал, и легковушка понесла их всех навстречу дню, заполненным жарой и прохладой, солнцем и дождем, комарами, походами за ягодами и грибами, рыбалкой, прополкой грядок и всем тем, что ждет городского жителя летом на даче.

Максим смотрел в окно автомобиля на мелькающие деревья и дома, прижимая к груди подаренную игрушку, и впервые за много-много дней тихонько плакал. Редкие слезинки текли по его щекам, а на губах то появлялась, то исчезала грустная улыбка.

## СПАСЕНИЕ

**В**от уже прошел месяц, как Сережа с родителями переехал на новую квартиру в строящемся микрорайоне.

Прямо под окнами прокладывали дорогу, слева строили высотный дом, справа — большой универсам. Кругом валялось все то, что сопровождает каждую стройку и что так притягивает мальчишек. Компании еще не сложились, потому что ребята только-только переехали. Многие мальчишки уже знали друг друга в лицо и по имени, а некоторые успели отличиться в играх.

Как-то в субботу после обеда Сережа, получив у папы разрешение погулять, вышел на балкон посмотреть, есть ли кто в поле видимости. Группа мальчишек была уже в «тире», так называлась у них куча гравия и забор, на который они привязывали мишени — пластиковые бутылки. Сережа обрадовался, так как у него лучше всех получалось попадать в цель, и выскочил на улицу.

Подбежав к «тиру», Сережа почувствовал, что все происходит не так, как обычно. В шеренге ребят находилось несколько незнакомых мальчишек постарше, а крики раздавались какие-то неприятно резкие. Но когда Сережа перевел взгляд на забор, где обычно

висели бутылки, он оцепенел – там была подвешена живая кошка. Сергея заметили. Кто-то крикнул: «Ну что, меткий стрелок, покажи, на что ты способен». Все смотрели на него и ждали, давая ему, как самому меткому, право на внеочередной «выстрел». Мальчик посмотрел на ребят, на кошку.

Сережа мысленно перекрестился и, преодолевая страх получить камень в спину, медленно пошел к забору. С трудом отвязал кошку, опустил ее на землю. Та, вместо того чтобы убежать, прошла прямо через ряд своих палачей и скрылась за кучей гравия.

Сергей смотрел на мальчишек, те стояли неподвижно. Страх не пропал, но начал вытесняться какой-то доброй жалостью. «Не ведают, что творят», – вспомнились евангельские слова.

– Сергей, Сергей! Домой! – позвал с балкона папа. Сережа так же медленно, как кошка, прошел через ряд застывших ребят. В прихожей его встретил отец.

– Я все видел, – сказал он.

Сережа уткнулся лицом в папин живот и заплакал, а тот, обняв сына и глядя его по голове, сказал:

– «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...»



## БЛАГОДАРИТЕ!

**А**лёшка висел у меня на руке. Славик стоял рядом. Я видела, что мои парни уже жалеют, что вызвались идти вместе со мной на поклонение. Мы уже два часа стояли в огромной, почти неподвижной очереди к мощам Андрея Первозванного. Мои ребята знали, кто такой Андрей Первозванный, почему его почитают, поэтому и попросились идти вместе. Но теперь, похоже, их мысли были где-то далеко. Шестилетний Алёша обстоятельно выяснял, когда мы пойдем в кафе. Ему сейчас невероятно хотелось посидеть на удобном стуле среди дивных запахов свежей выпечки и ванили...

Я видела, что мои мальчишки стараются держаться молодцом, несмотря на усталость. Особенно Славик. Его только глаза выдавали. Да и вся очередь казалась какой-то напряженной, нетерпеливой и даже сердитой. Зря я взяла их с собой. Слишком трудное для них это испытание.

Вдруг среди гула и шороха толпы жаворонком зазвучало песнопение. Чистые женские голоса пели впереди акафист «Слава Богу за всё». Очередь встрепенулась. Ощущение света и тихой радости передавалось через звуки этого замечательного акафис-



та и задевало всех, кто был способен слышать. Люди заулыбались, стали высматривать певуний...

И очередь просто пошла... Очутившись в церкви, Алёшка перекрестился и восторженно выдохнул: «Слава Богу!» Его взгляд кружился по храму, безмолвно благодаря от избытка чувств все святые лики, которые ему попадались. Славик молчал, поглощенный какими-то своими мыслями, и только когда мы возвращались домой, наконец спросил: «Мам, это что – чудо?» Я была уверена, что да...

## СВЕЧА В ОКНЕ

**В** бабушкином доме, на отдаленном хуторе, скрипят половицы и вкусно пахнет грибами, развешанными на нитках целыми рядами, а еще яблоками.

Бабка Агафья откинула на блюде уголек из печки, положила сверху кусочек ладана и поставила под иконы. «Спаси нас, Господи, от духов нечистых!» – перекрестилась.

– Ну, садись за стол, вечерять будем.

Мне в диковинку сидеть на широкой дубовой лавке, которую еще дед Агафьи мастерила. На столе, прямо из печи, появляется чугунок рассыпчатой картошки, а из погребка огурчики – хрустящие, аппетитные, и, конечно, квас.

Нехитрая деревенская еда. Рождественский пост, и изыски ни к чему.

– Только сначала свечу зажгу да поставлю на окно.

За окном метет. Так и бьются косматые белые гости в стекло, ветер подвывает в трубе.

– А зачем? – спрашиваю я, наблюдая, как старушка достает толстую и длинную свечу из своих запасов.

– Когда-то такой огонек спас мне жизнь в метель.



Прошу рассказать. Но она непреклонна — вначале молитва, потом еда, а уж после рассказы.

— Было мне в ту пору четырнадцать лет. Кругом голод, нищета, всех в колхозы сгоняют. Не отработаешь трудодни — в лагеря! Почитай полдеревни засадили. Отца моего убили в лесу. Говорили — банда, разбойники. Да кто ж их разберет, комиссары-то не лучше были. Так и осталась моя мать с шестью ребятами на руках.

Я старшая. Пришлось и мне на работу идти, трудодни зарабатывать. Уставала страшно. Беда одна не ходит — недоглядела я за колхозными лошадьми, покормила, а ворота конюшни и последнее стойло закрыть забыла. Вот и ушел наш Вороной погулять на свободе. Видать, на волюшке ему и зимой краше было, чем в колхозном стойле, где его кнутом охаживали. А он дворянский, благородный был, не привык, стало быть, к такому отношению.

Что делать? Обнаружат — всей семье пропадать! Пошла я на поиски. А одежды-то на мне теплой — валенки да мамкин пуховый платок, накрест повязанный. Иду, плачу и молюсь святому Николе: «Не оставь, угодничек, родненький! Помоги найти Вороного!»

Вдруг слышу, кто-то трещит в кустах. Гляжу, а это беглец мой! И такой-то он ко мне ласковый! Сунула я ему кусочек хлеба с солью, веревку на шею набросила, он и пошел за мной. Трется мордой, ушами прыдет, чувствует, что у меня за пазухой еще краюшка припрятана. Уже темнеет, да и метель завелась. Стали мы в чистом поле, ничего не видно. Толкаю его, прошу: «Ты же конь, должен жилье чувствовать, выводи на дорогу!» А он — как вкопанный. Я озябла вся, уже и холод перестаю чувствовать, и в сон потянуло. Голос какой-то шепчет: «Зачем идти, ляг, отдохни, засни!» Взмолилась я из последних сил: «Помоги, Господи, погибаю!»

Вдруг вижу, блеснуло что-то вдалеке, потом снова. Побрела я на огонек, только и прошу: «Не гасни! Не гасни!» Так и дошла до дома бабушки Кати. А у нее на окне свеча во славу Христа Бога — для заблудших путников. Кабы не эта свеча — не быть мне живой!

С тех пор в метель не жалею, зажигаю огонек. А вдруг кто в такой беде окажется, как я была?

— И что, приходил кто-нибудь?

— Нет, не приходил.

— А сколько же ты зим свечи жжешь, бабушка?

— Да лет уже семьдесят.

## Оглавление

<b>ИСПЫТАНИЕ БОЛЮЮ .....</b>	<b>3</b>
<i>Н. Куликова</i>	
<b>КАПРИЗНАЯ ГОСТЬЯ .....</b>	<b>11</b>
<i>Т. Марцева</i>	
<b>ШЕПУТЕВАЯ .....</b>	<b>16</b>
<i>Н. Куликова</i>	
<b>ЩЕДРОСТЬ .....</b>	<b>23</b>
<i>Н. Пилецкая</i>	
<b>ОТКРЫТИЕ .....</b>	<b>27</b>
<i>Л. Ганаго</i>	
<b>БАРБИ .....</b>	<b>33</b>
<i>С. Zubович, И. Куликова</i>	
<b>СЮРПРИЗ .....</b>	<b>40</b>
<i>Л. Ганаго</i>	
<b>ТРЯСИНА .....</b>	<b>46</b>
<i>С. Сержантова</i>	
<b>МОЛИСЬ ЗА МЕНЯ .....</b>	<b>49</b>
<i>Л. Ганаго</i>	
<b>ИГРУШКА .....</b>	<b>56</b>
<i>И. Куликова1</i>	
<b>СПАСЕНИЕ .....</b>	<b>63</b>
<i>В. Шинкевич</i>	
<b>БЛАГОДАРИТЕ .....</b>	<b>65</b>
<i>И. Петкевич</i>	
<b>СВЕЧА В ОКНЕ.....</b>	<b>67</b>
<i>Н. Антипова-Татур</i>	



Религиозное издание

# СВЕЧА В ОКНЕ

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

**Составитель**

**Борис Александрович Ганаго**

**Иллюстрации: Евгения Суховерхова**

**Ответственные за выпуск**

**Александр Вейдик и Игорь Вирковский**

**Верстка: Александр Ломако**

Подписано в печать с готовых диапозитивов  
заказчика 21.11.2006. Формат 60×84  $\frac{1}{16}$ . Печать  
офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4.20.  
Уч.-изд. л. 1.99. Тираж 80 500. Заказ № 2948.

«Белорусский Экзархат – Белорусская Православная Церковь»,  
лицензия № 02830/0056967 от 30.04.04, 220004, Беларусь,  
Минск, ул. Освобождения 10. Тел. 227-24-77, 227-24-00.

РУП «Минская фабрика цветной печати»,  
220024, Минск, ул. Корженевского, 20.